

А. В. Ганин

Командарм Александр Харченко: кто он?

Несмотря на колоссальную историографию, история Гражданской войны по-прежнему исследована крайне неравномерно. До сих пор нет полных данных даже о представителях высшего командного состава Красной Армии, что осложняет изучение многих важнейших вопросов.

Одним из загадочных советских военачальников является красный командарм Александр Игнатьевич Харченко, командовавший в 1918 г. несколькими советскими армиями. Ввиду нехватки информации об этом человеке в литературе получили распространение различные мифы либо неточности. Считается, что Харченко являлся эсером¹ (в разных вариациях — левым или правым²), имел чин поручика старой армии³, был самонадеянным и не советовался с комиссаром⁴, что измена Харченко произошла из-за выступления против большевиков его покровителя М. А. Муравьева⁵ (на самом деле последовательность событий была обратной), и, наконец, что его казнили белые⁶. Все это не соответствует реальным фактам.

Отправной точкой для реконструкции биографии Харченко послужили недавно рассекреченные документы Центрального архива Федеральной службы безопасности России по делу «Приволжской шпионской организации» 1919 г. По этому делу проходил и бывший красный командарм, хотя никакого отношения к тем, кого чекисты считали участниками организации, он не имел. Дело первоначально расследовал Особый отдел ЧК Восточного фронта, а Харченко в тот период как раз попал к красным в плен на Восточном фронте, почему его и включили в дело. Среди фигурантов дела также встречались служащие 1-й армии, которой в 1918 г. командовал Харченко. Может показаться парадоксальным, что красный командарм оказался у противника, а затем был пленен красными. Но об этом ниже.

На допросах 1919 г. Харченко значительно искажал свою дореволюционную биографию: завысил свой чин, изменил возраст, образовательный уровень (утверждал, что якобы учился в Киевском коммерческом институте и Виленском военном училище, а также поступал в Военную академию), места службы и боевой стаж (заявил, что воевал с 1914 г., а не с лета 1917 г., как было на самом деле, и якобы был трижды ранен⁷).

Восстановить его подлинный дореволюционный путь позволило обращение к документам Российского государственного военно-исторического архива. Согласно послужному списку прапорщика А. И. Харченко, он родился 13 марта 1898 г. и происходил из крестьян Киевской губернии (на допросе утверждал, что родился в местечке Корсунь (ныне г. Корсунь-Шевченковский), а родным языком указал украинский⁸). Он окончил Полтавскую мужскую гимназию, выдер-

жал испытание на право вольноопределяющегося 2-го разряда во 2-й Тифлисской школе прапорщиков⁹. На службу поступил 30 июня 1916 г. с назначением в 5-й запасный кавалерийский полк, куда прибыл 31 августа того же года и был зачислен в списки и в 10-й маршевый эскадрон 10-го гусарского Ингерманландского полка рядовым из охотников. 4 марта 1917 г. Харченко принес присягу Временному правительству, а 6 марта был командирован в 218-й пехотный запасный полк для поступления в школу прапорщиков. 27 марта его отправили в Лагодехский батальон вольноопределяющихся, куда он в тот же день и прибыл. Затем 18 апреля 1917 г. молодого человека командировали во 2-ю Тифлискую школу прапорщиков для прохождения курса. 28 июня Харченко отправился добровольцем в юнкерский ударный батальон и был исключен из школы. В батальоне с 9 июля по 6 августа исполнял должность начальника хозяйственной части, а затем стал квартирмейстером. В связи с расформированием батальона Харченко 16 августа пришлось вернуться в школу прапорщиков, где 11 сентября его произвели в прапорщики со старшинством с 20 августа того же года и назначением в распоряжение начальника штаба Киевского военного округа¹⁰. Офицер был холост, а в Первой мировой войне участвовал лишь с 28 июня по 2 августа 1917 г.¹¹

Таким образом, на осень 1917 г. Харченко едва получил чин прапорщика и не мог быть поручиком старой армии, не говоря уже о возможности поступления в Военную академию, куда направляли кадровых офицеров, а не офицеров военного времени, каким являлся Харченко. На допросах в 1919 г. он аттестовал себя штабс-капитаном, что могло отражать чин, присвоенный ему у белых, однако это лишь предположение.

Когда Александр Игнатьевич начал выдавать себя не за того, кем являлся на самом деле, неизвестно. Быть может, при помощи ложной героической биографии он и сумел добиться высших постов в зарождавшейся Красной Армии в условиях хаоса начала 1918 г.

Увы, проверить деятельность Харченко с сентября 1917 г. по весну 1918 г. пока не представляется возможным и приходится полагаться на его показания 1919 г. В частности, он утверждал, что осенью 1917 г. принял участие в отражении наступления войск А. Ф. Керенского и генерала П. Н. Краснова на Петроград. Тогда же состоялось его знакомство с предложившим свои услуги большевикам подполковником М. А. Муравьевым, назначенным главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Муравьев с его склонностью к авантюризму и разного рода эксцентрическим выходкам, вероятно, оказался близок Харченко по духу. Это важное знакомство повлияло на последующую карьеру

Харченко в РККА. Отметим, что Муравьев, как и Харченко, в 1918 г. изменил большевикам.

По свидетельству Харченко, из Петрограда он ездил в Москву, а далее отправился бороться за советскую власть на Украину, причем в декабре 1917 г. в Полтаве примкнул к большевистской партии, что, впрочем, сомнительно, так как в советских документах нет упоминаний о партийности командарма.

На высокий пост красного командарма Харченко попал совсем молодым человеком — всего в 20 лет, возглавив 1-ю революционную армию. Эта армия была создана в начале марта 1918 г. в районе Бирзулы в связи с австро-германским наступлением и просуществовала недолго — лишь до конца мая 1918 г.

В «Докладе о положении и оперативных действиях первой революционной армии в период моего командования с 20 апреля по 24 мая 1918 года» Харченко писал главнокомандующему В. А. Антонову-Овсенко, что принял армию 20 апреля от бывшего командующего Карпова. Войска были плохо подготовлены и недисциплинированы, находились в отступлении из-под Мариуполя и Бердянска в направлении Таганрога под нажимом немцев.

Армия была со всех сторон отрезана, и не было ни одного железнодорожного пути, по которому можно было бы куда-нибудь продвигаться, положение еще осложнялось тем, что армия была без продовольствия, денег и связи. Положение было катастрофическое, и я решил избрать путь наименьшего сопротивления и двинулся со всей армией к Ростову, охваченному со всех сторон неприятелем¹².

В Донской области развивалось антибольшевистское восстание донских казаков. Под нажимом противника красными были оставлены Таганрог и Ростов-на-Дону. Затем силы Харченко заняли оборону на линии Старочеркасская — Ольгинская — Батайск — Азов. Тогда Харченко проявил себя с хорошей стороны и пытался навести порядок в войсках¹³. Он сотрудничал с комиссарами В. А. Трифоновым и Г. К. Орджоникидзе. В период боев под Батайском был ранен и, сдав 24 мая командование, уехал в Москву. По выздоровлении примерно через три недели он вновь стал командующим 1-й армией, но это уже была армия другого формирования, созданная на Восточном фронте.

В Поволжье, на Урале и в Сибири тогда разворачивалось восстание Чехословацкого корпуса, поддержанное местными противниками большевиков. Назначение Харченко на пост командующего состоялось 16 июня 1918 г. декретом РВС Восточного фронта № 1¹⁴. Армия вела боевые действия на Волге и участвовала в боях за Сызрань. Эту должность Александр Игнатьевич занимал лишь до 28 июня. Краткий период его командования не был удачным: армия еще только создавалась, но не прошло и двух недель, как

комиссар О. Ю. Калнин отстранил командующего за нераспорядительность. Преемником Харченко стал будущий маршал М. Н. Тухачевский.

Однако Харченко декретом РВС Восточного фронта № 10 от 3 июля 1918 г.¹⁵ получил равный по значимости пост командующего 2-й армией, которая действовала в районе Уфы, Златоуста и Оренбурга. Назначение не слишком успешно и командующего, видимо, было обусловлено кадровым голодом и экстренными поисками кандидата после измены его предшественника Ф. Е. Махина. Быть может, повлияла и протекция главнокомандующего Восточным фронтом М. А. Муравьева, с которым Харченко служил еще на Украине. Вместе с Муравьевым Харченко прибыл в Уфу. Как отмечал секретарь Уфимского губкома РКП(б) Г. Н. Котов, Харченко «был молодой человек высокого роста, здоровый парень с очень грубым, неподвижным и глупым лицом. Всем это резко бросалось в глаза. Кроме того, он не умел связать пары слов, так что с ним трудно было даже разговаривать»¹⁶. Одна из участниц заседания большевичка Л. Н. Сталь заподозрила в Харченко провокатора и требовала его арестовать, но ей не поверили.

Этой армией Харченко командовал еще меньше — от одного до трех-четырёх дней¹⁷, так как приказ о назначении, по-видимому, был составлен задним числом, после того как в штаб фронта из командировки в Оренбург вернулся член РВС П. А. Кобозев¹⁸. Армии хронически не везло с командующими. Все три первых ее командарма (В. В. Яковлев, Ф. Е. Махин и Харченко) оказались изменниками и перебежчиками. Более того, Махин был преднамеренно внедрен в РККА эсерами для подрывной работы, выехал из Уфы и сдал город подходившим к нему чехословацким войскам и частям Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча)¹⁹.

Назначение нового командарма проходило в обстановке эвакуации города и паники, усугублявшихся отсутствием связи со штабом фронта и растерянностью. Как показал сам Харченко:

...Командовал я 1-й армией до 1 июля [1918 г.], потом меня вызвали в Военно-революционный совет Вост[очного] фронта в г. Симбирск члены совета [П. А.] Кобозев, Муравьев и [Г. И.] Благодеров. Я явился и меня назначают на Уфу, потому что таковая находилась в опасном положении с двух сторон. В Уфу прибыл совместно с членами Революционного совета. По прибытии было создано совещание с местными властями во главе с Военно-революционным советом Восточного фронта. После совещания Революционный совет хотел ехать в Симбирск по железной дороге, но таковая была перерезана чехами, поэтому ему пришлось ехать на пароходе в Казань, уполномочив меня эвакуировать все, а защиту Уфы уполномочили на мое усмотрение²⁰.

Красная Уфа пала 4 июля 1918 г. Большевики покидали город пешим порядком или на пароходах по р. Белой. В самый разгар событий Харченко, который было активно взялся организовывать оборону, скрылся в неизвестном направлении²¹.

В тот же день из района Уфы к чехословакам перелетел 33-й корпусной авиаотряд красных в составе 11 аэропланов, летчики которого были связаны с белым подпольем. Отряд вошел в состав Народной армии Комуча²². Аэроплан летчика П. Н. Владимиров вез необычного пассажира — красного командарма Харченко, захватившего с собой оперативные карты и крупную сумму денег — 2–3 млн руб.²³ (сам Харченко называл меньшую сумму — 700–800 тыс.).

Что именно тогда произошло, в точности неизвестно, так как в советском плену в 1919 г. Харченко пытался представить свой перелет к противнику как похищение антибольшевистски настроенным летчиком. Последний якобы вместо полета на Волго-Бугульминскую дорогу в расположение отряда, двигавшегося на станцию Чишмы с бронепоездом им. Ленина, улетел на Самаро-Златоустовскую, где были чехи, и опустился у станции Раевка²⁴. По описанию Харченко, при встрече летчик даже обнялся с чешским командующим С. Чечек (отметим, что военный летчик прапорщик Владимиров впоследствии получил печальную известность, став первой жертвой Гражданской войны в воздухе, так как 16 октября 1918 г. погиб в воздушном бою у станции Шамары²⁵).

«Забрали все мои документы, дела, оружие и деньги и посадили в вагон III класса и начали с угрозами расстрела производить опрос в случае неправильных моих показаний. До опроса мне было заявлено, что к ним явился [под]полковник Генерального штаба Махин, перешедший к ним с несколькими членами штаба. При опросе мне сказали, что наши аэропланы обслуживали их, а Махин был специально подослан к [Н. И.] Подвойскому. После допроса вместе со штабом был отправлен в Уфу арестованным», — жаловался Харченко на допросе²⁶.

Если верить показаниям Харченко, Чечек устроил в Богородском театре Уфы для своих бойцов настоящее представление с участием пленного красного командарма. Последнего выводили на сцену и показывали толпе, требовавшей его немедленного расстрела. Харченко побывал в Челябинске и Самаре, сидел в тюрьме, откуда бежал 18 июля «по направлению на Бугульминскую дорогу, по дороге встретил еще несколько человек, не доходя до Бугульминской дороги верст 10 решил переправиться через Волгу около дер. Новодевич, потом попал к своим в Инзенскую дивизию, откуда отправился в штаб Восточного фронта, который находился в Казани»²⁷. В Казани Харченко прожил несколько дней у известного чекиста М. И. Лациса, но при взятии города чехословаками и Народной армией вновь был пленен. Сложно сказать, насколько такие

утверждения достоверны, поскольку проверить их пока не представляется возможным.

На этот раз экс-командарма отправили в Сибирь в качестве заложника. Он содержался в Омске и Иркутске, по дороге в Якутск бежал, скрывался в Иркутской губернии, отправился в Харбин, а 10 октября добрался до Владивостока. Проживая в с. Спасском Иманского уезда Приморской области, примкнул к коммунистической организации, борющейся с японскими интервентами. После разгрома организации перебрался в Китай, затем проехал в Сибирь и добрался до Тюмени. Там по подложным документам поступил на службу рядовым, а в Екатеринбурге был зачислен во 2-й Егерский полк 18-й Сибирской стрелковой дивизии III Степного Сибирского корпуса, представив фальшивые документы капитана. На Урале Харченко в мае 1919 г. также побывал в Воткинске и Ижевске.

У белых некий капитан Харченко командовал войскам, действовавшими против красных партизан на Енисейском фронте, и даже дал интервью, опубликованное в омской газете «Наша заря»²⁸. Интервью упоминалось в деле командарма-перебежчика. Сложно сказать, являлся ли интервьюируемый тем самым бывшим красным командармом или это был однофамилец, однако газета с интервью хранилась в чекистском следственном деле Харченко, а позднее была передана в спецкабинет 7-го отделения учетно-статистического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД²⁹. Экземпляр газеты из дела обнаружить не удалось, но тот же номер сохранился в библиотеке Исторического архива Омской области³⁰. Интервьюируемый предстает активным сторонником белых, а никак не тайным или явным большевиком.

Затем бывший командарм вновь попал к красным. Советское командование считало его военнопленным, но сам он утверждал, что перешел линию фронта по своей инициативе 30 мая 1919 г. на участке 4-го Петроградского полка, причем ехал навстречу красным верхом. Харченко встретил красных разведчиков, которые его задержали и передали по инстанции, причем до установления его личности пленный давал сбивчивые и уклончивые показания.

Харченко был доставлен в штаб 2-й армии Восточного фронта к командующему В. И. Шорину, то есть в ту самую армию, которой командовал годом ранее. 6 июня Харченко допросили в разведывательном отделении штаба армии, а затем отправили с ответственным конвоиром И. Сухановым в Реввоенсовет фронта. В сопроводительном документе, датированном 9 июня, командующий армией Шорин и член РВС А. К. Сафонов отмечали, что считают Харченко «важным государственным преступником, как несомненного видного белогвардейского шпиона»³¹.

В РВС и в Особом отделе Восточного фронта Харченко надолго не задержался. Уже 17 июня его отправили в Москву, в Особый отдел ВЧК³².

Экс-командарм содержался в Бутырской тюрьме, причем им заинтересовалось даже управление делами Реввоенсовета Республики, запросившее Особый отдел ВЧК по поводу предъявленного пленному обвинения³³. В ответ сообщалось, что Харченко обвинялся в шпионаже и в умышленном переходе к противнику с 2 млн народных денег³⁴.

Расследование вел следователь по особо важным делам Я. Я. Фогель — впоследствии советский генерал, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Участвовал в расследовании и работавший тогда в Особом отделе ВЧК знаменитый чекист А. Х. Артузов³⁵.

В деле имелись показания колчаковской разведчицы 17-летней Г. Н. Норкиной, которая в июне 1919 г. сообщила, что перешедший от красных некий Харченко деятельно сотрудничал с белыми³⁶. Однако Норкина путалась в показаниях. С другой стороны, один из разведчиков Особого отдела 3-й армии, будучи в Иркутске, слышал, что в иркутском районе действовал партизанский повстанческий отряд Харченко³⁷, что отчасти совпадало с показаниями последнего. Следователя заинтересовали газетное интервью Харченко, компрометирующие данные о том, что пленный сотрудничал с белыми и, наконец, сбивчивость первоначальных показаний. Однако ввиду распространенности фамилии ничего определенного установить не удалось.

В июле 1919 г. Особым отделом Восточного фронта был составлен список соучастников Харченко. В него вошли начальник инспекторской части 5-й армии Смирнов как укрыватель Харченко, курсант академии Генштаба Блохин, считавшийся близким приятелем Харченко и подозреваемый в измене при сдаче Уфы в 1918 г. (речь шла о командаре В. Н. Блохине, который на самом деле к академии Генштаба отношения не имел), а также некий Хлебников, имевший «темные связи с Харченко»³⁸.

26 сентября 1919 г. Президиум ВЧК приговорил бывшего красного командарма к расстрелу как белогвардейца³⁹. Так завершилась недолгая жизнь красного командарма-авантюриста. В постсоветское время Харченко был реабилитирован⁴⁰. Остается лишь выразить надежду на то, что собранные данные послужат основой для дальнейших поисков и позволят уточнить крайне извилистую революционную биографию этого человека.

Примечания

¹ Кучкин А. П. В боях и походах от Волги до Енисея: записки военного комиссара. М., 1969. С. 17; Аминов З. А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966. С. 279.

² Реввоенсовет Республики: (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 208; Чистов Б. Н., Жохов М. А. Посланец партии. Очерк военно-политической деятельности П. А. Кобозева на Восточном фронте (1918–1919 гг.). М., 1980. С. 33.

³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 262.

⁴ Герои Гражданской войны. М., 1974. С. 18.

⁵ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 61.

⁶ Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С. 379.

⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 201 об.

⁸ Там же. Л. 201.

⁹ РГВИА. Ф. 409. П/с 36-881. 1917 г. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² РГВА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.

¹³ Трифонов Ю. В. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1987. С. 77–79.

¹⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Наумов Е. О. Создание объединений Красной Армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. С. 51.

¹⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁶ Котов Г. [Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году // Пролетарская революция. 1928. № 6–7 (77–78). С. 310.

¹⁷ Там же. С. 311.

¹⁸ Чистов Б. Н., Жохов М. А. Указ. соч. С. 36.

¹⁹ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной Армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332; Ганин А. В. Свой межу туђима и туђ међу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021.

²⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 199 об.

²¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 464. Л. 35–37.

²² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58 об.

²³ Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 69; Котов Г. [Н.] Указ. соч. С. 311.

²⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 199 об., 202.

²⁵ Хайфуллин М. А., Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 76–77.

²⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 199 об.

²⁷ Там же. Л. 199 об. — 200.

²⁸ Там же. Т. 3. Л. 101.

²⁹ Там же. Т. 1. Л. 1.

³⁰ Около Енисейска // Наша заря. Омск, 1919. 7 марта. Выражаю глубокую благодарность Н. С. Храповой за возможность ознакомиться с этим изданием.

³¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 3. Л. 108.

³² Там же. Л. 102.

³³ Там же. Л. 100.

³⁴ Там же. Л. 100 об.

³⁵ Там же. Л. 99.

³⁶ Там же. Т. 1. Л. 204.

³⁷ Там же. Т. 3. Л. 95 — 95 об.

³⁸ Там же. Т. 1. Л. 17.

³⁹ Там же. Л. 214.

⁴⁰ Там же. Л. 243.